

P.A. Minakir

Economic Research Institute Far Eastern Branch Russian Academy of Sciences,
Khabarovsk, Russia

O.M. Prokapalo

Economic Research Institute Far Eastern Branch Russian Academy of Sciences,
Khabarovsk, Russia

Far East Priority: Combinations of Investment and Institutes

Abstract. Trends and possibilities for implementing the state economic policy for the Russian Far East development are discussed. Historical overview is given with the identification of stages of regional development, characterizing by the different sources and scales of economic resources, in particular investments, and the types and degree of localization of specific economic institutions for the regional development. The duality of motivation for priority development of the region is shown. On the one hand, it is characterized by non-competitiveness in terms of standard market procedures. On the other hand, it has a high appraisal of utility in terms of national geo-strategic and geo-economic goals. A hypothesis is advanced that in this situation, priority economic development is possible only if an effective combination of scales and sources of investment resources is found with an adequate type of institutional regime for this purpose and with an optimal level of localization of institutions.

Keywords: *Far East, investments, economic development, institutions, integration, priorities.*

JEL Classification: O1, R1.

Д.А. Изотов

Институт экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск

Журнал НЭА,
№2 (38), 2018,
с. 155–163

Ускорение экономики Дальнего Востока: помогут ли новые институты?

Аннотация. Институциональные характеристики стран с высокой долей природной ренты и высокими рисками в экономике, к которым относится Россия, накладывают существенные ограничения на выбор инструментов государственной политики. Для ускорения экономики Дальнего Востока применение инструментов государственного вмешательства из практики полувекковой давности указывает на наличие проблемы информированности бюрократического администрирования, проявляющейся в скромных эффектах от закрепления населения и создания инфраструктуры за счет государственных инвестиций. На основании опыта стран со схожими структурными и институциональными характеристиками доказывается, что стратегии экономического развития в регионах не должны становиться средством удержания в них населения. Показано, что увеличение притока частных инвестиций возможно в условиях улучшения качества институтов вне зависимости от качества инфраструктуры, построенной за счет государственных капиталовложений, а создание специальных зон на практике может стать источником рисков, связанных с нарушением Парето-эффективности.

Ключевые слова: *инвестиции, инфраструктура, программа развития, специальные зоны, закрепление населения, институты, природная рента, Дальний Восток.*

Классификация JEL: H54, O43, Q30, R11, R58.

Российская экономика столкнулась с долгосрочными ограничениями развития, имеющими структурный характер. Структурные деформации экономики России вызваны большой ее зависимостью от природной (нефтегазовой) ренты и слабыми институтами и, как следствие, высокими рисками

для инвестирования (The Oxford Handbook..., 2013). Для подобного рода стран экономические проекты осуществляются преимущественно через механизмы распределения природной ренты в рамках реализации государственной политики (Ross, 2012; Van Eeghen et al., 2014).

В последнее время внимание руководства России приковано к решению социально-экономических проблем Дальневосточного региона — образованы новые федеральные органы власти и управления Дальним Востоком, реализующие стратегические решения, которые, согласно декларациям, способны сформировать институциональные условия для обеспечения ускоренного развития экономики, улучшения социально-демографической ситуации, привлечения и закрепления населения, развития инфраструктуры и улучшения инвестиционного климата региона.

С одной стороны, экономика Дальнего Востока имеет возможности для развития на основе имеющихся богатых природных ресурсов и близости с динамично развивающимися странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Перспектива развития Дальневосточного региона стала видеться в создании возможностей и условий для использования его потенциала. С другой — структурные проблемы являются серьезным препятствием развитию экономики Дальнего Востока, характеризующейся малым внутренним рынком, зависимостью от внешней конъюнктуры спроса, взаимоотношений с федеральным центром и государственными корпорациями.

Доля добычи природных ископаемых в экономике Дальнего Востока является одной из высоких в стране. Несмотря на это преимущество, отставание дальневосточной экономики от национальной является долгосрочным. Почти за четверть века экономика России увеличилась на 11,0%, а Дальнего Востока — сократилась на 2,4%¹. В первой половине 2010-х годов темпы экономического прироста Дальнего Востока были в среднем ниже, чем России в целом. В результате оттока населения за 1992–2015 гг. регион покинули почти 1,5 млн человек, что составляет четверть текущей численности населения региона. По доле безвозмездных поступлений в доходе бюджетов субъектов, которая отражает роль межбюджетных трансфертов, Дальний Восток занимает

второе место после Северного Кавказа, что указывает на его сильную зависимость от федерального бюджета в покрытии своих расходов.

В таких условиях кажутся вполне логичными новые меры государственной политики, направленные на обеспечение автономного и ускоренного развития экономики, улучшение социально-демографической ситуации, развитие инфраструктуры и улучшение инвестиционного климата региона. Однако имеются веские основания предположить, что реализуемые в настоящее время новые стратегические решения федеральных органов власти по отношению к Дальнему Востоку являются в целом копией широко известных специфичных мер государственной политики из опыта зарубежных стран, со структурными и институциональными характеристиками, подобными российским, от которых успешные экономики в свое время отказались.

1. Рост государственных (бюджетных) инвестиций в инфраструктуру

Расширение бюджетных капиталовложений на Дальнем Востоке осуществляется в рамках комплексных программ развития, основной из которых является ФЦП «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Байкальского региона» (до 2018 и до 2025 г.). В условиях высоких цен на нефть федеральные органы власти приняли решение увеличить государственные инвестиции в регион. По мнению разработчиков программы, и согласно документам, публикуемым в ее русле, острые проблемы в сфере инфраструктуры, особенно инфраструктуры транспорта, создают барьеры, препятствующие обеспечению сбалансированного экономического роста региональной экономики. Поэтому для сглаживания рисков необходимы государственные инвестиции в инфраструктуру.

Как показывает зарубежный опыт, действительно, одной из проблем для стран с высокой долей природной ренты в экономике является создание инфраструктуры, которая может быть использована для при-

¹ ВРП 2015 г. по отношению к ВРП 1992 г. в ценах 2015 г.

влечения предпринимателей с целью организации бизнеса. Инфраструктурные объекты существенно разнятся по функциям, но зарубежный опыт в целом показывает, что в данной цепочке рассуждений важны три аспекта. Во-первых, инвестиции в инфраструктуру являются следствием, а не причиной развития экономической системы: в странах, где действует много фирм, обычно хорошая инфраструктура, а государство готово ее создавать при условии, что бизнес в ней нуждается (Making Public Investment..., 2015). Во-вторых, для стран с высокой природной рентой в экономике принципиальным моментом эффективного использования инфраструктуры является наличие сильных институтов, которые позволяют снизить общие риски экономической деятельности (Bhattacharya, Collier, 2014). В-третьих, увеличение государственных расходов на создание инфраструктуры значимо воздействует на экономику стран с преимущественно низкими доходами на душу населения (Gupta et al., 2014). Иными словами, помимо институтов, важен уровень развития страны, когда в результате экономического роста спрос на инфраструктуру со стороны бизнеса значительно превышает предложение.

Несмотря на то что по качеству инфраструктуры российская экономика в целом значительно отстает от ведущих экономик мира, Россия является страной с высокими рисками и средним уровнем дохода на душу населения. С этой точки зрения видится ограниченное воздействие на экономическое развитие от создания инфраструктуры за счет государственных инвестиций, так или иначе представляющих собой перераспределенную природную ренту. Чем меньше уверенность в том, что государство защищает интересы инвесторов и бизнесменов и устанавливает единые, понятные и исполнимые правила игры, тем меньше будет поток частных инвестиций, каким бы высоким ни было качество инфраструктуры (Van Eeghen et al., 2014).

Как показал анализ, в регионе действительно происходило наращивание инвестиций за счет внешних (бюджетных) источников финансирования. На этом фоне затухающие темпы прироста экономики Дальнего Востока выглядят не совсем логичными и дают основание предположить, что капиталовложения в инфраструктуру имиджевого характера (например, строительство инфраструктуры к проведению саммита АТЭС) не способствуют возникновению мультипликативного эффекта для региональной экономики (т.е. ВРП региона вырос ровно на столько, на сколько было инвестировано в инфраструктуру). Действительно, по размеру реальных среднелюдиных инвестиций в 2010–2015 гг. Дальний Восток превышал среднее по стране значение почти в два раза, однако эффективность капиталовложений в экономику региона является низкой: в среднем вложение 1 руб. инвестиций в основной капитал увеличило прирост ВРП Дальнего Востока лишь на 0,06 руб., что почти в два раза ниже, чем для России в целом. За счет крупных государственных капиталовложений не удалось существенно снизить риски инвестирования в региональную экономику² и придать ей какое-либо ускорение. В условиях высоких рисков заметные инвестиционные намерения в регионе главным образом имеют только государственные или аффилированные с государственным сектором корпорации, получающие бюджетную поддержку в виде льгот и субсидий, поглощающие региональные акционерные общества и превращающие их в зависимые структуры, нередко уводя активы из региональной юрисдикции. Наблюдается замена регионального бизнеса крупными федеральными собственниками и, соответственно, монополизация рынка. В таких условиях результат выглядит крайне скромным в плане привлечения предпринимателей с целью организации нового бизнеса за счет создания необходимой инфраструктуры.

² Индекс инвестиционного риска (оценивается рейтинговым агентством «Эксперт РА») для Дальнего Востока остается выше, чем в среднем по стране, причем риски для национальной экономики очень высоки по сравнению с рядом других стран.

2. Создание специальных зон

На Дальнем Востоке в рамках созданных специальных зон (территории опережающего развития (ТОР) и «Свободный порт Владивосток») за счет налоговых льгот и различного рода преференций, как предполагается Министерством развития Дальнего Востока, для резидентов будут созданы благоприятные условия ведения бизнеса и инвестирования. Отталкиваясь от зарубежного опыта, можно показать, насколько универсальным является применение такого инструмента государственного вмешательства в экономическое развитие, как создание специальных зон.

Общему описанию, систематизации, особенностям функционирования и оценке эффектов специальных зон посвящено большое число исследований. Сегодня в мире существует более четырех тысяч специальных зон, и лишь очень немногие из них являются успешными (Political priority..., 2015). Образование специальных зон сопряжено со значительными капиталовложениями и последующими значительными усилиями государства, направленными на их развитие. Создание специальных зон не является универсальным инструментом для ускоренного развития национальной экономики в целом и региональной в частности. Этот инструмент является очень специфичным. Одной из серьезных проблем зон является стимулирование, поскольку в условиях слабых институтов эти территориальные образования могут вызвать лишь нерациональное распределение ресурсов и негативные последствия рентного поведения властей. Насчитывается большое число примеров неудач в построении специальных зон, особенно часто в странах со слабыми институтами и высокой природной рентой в экономике, к которым относится Россия (Special Economic Zones..., 2008; Farole, Akin, 2011).

Долгая практика существования специальных зон позволяет выделить четыре цели их создания (Special Economic Zones..., 2008): привлечение прямых иностранных инвестиций; снижение высокого уровня безработицы; поддержка стратегии масштабной экономической реформы в стране; экспериментальная апроба-

ция новых стратегий и подходов к развитию экономики. Однако в явном виде ни одной из этих целей не придерживаются разработчики ТОР и «Свободного порта Владивосток».

В странах с высокой политической централизацией возникает проблема информированности (Hayek, 1945), которая может быть описана следующим образом: чиновники, обладая достаточной властью и аппаратом подчинения, при создании специальных зон не имеют достаточных знаний о поведении рынка и общества. Поэтому в таких условиях специальные зоны являются плохо спланированными и неуместными, а снижение налогового бремени в рамках особой территории может привести только к неэффективному распределению экономической деятельности в пространстве, создав неравновесную ситуацию по Парето. Поэтому необходимо делегировать принятие решения выбора местоположения и отраслевой специализации частному бизнесу либо выработать единый подход в условиях политической децентрализации (Moberg, 2015). Несмотря на то что лучшую практику в мире показали частные зоны, дальневосточные экономические зоны являются государственными.

Опыт стран с высокой природной рентой и стабильными институтами показывает, что такой инструмент, как специальные зоны, применяется в единичных случаях или не используется вовсе, поскольку инвестиционный климат в экономике является благоприятным. Некоторые страны с высокой природной рентой снижают риски для инвестирования путем встраивания в экономическую практику более продвинутых институтов развитых стран, что в российских реалиях пока не представляется возможным.

Как показал опыт других стран, при снижении тарифной нагрузки на импорт специальные зоны могут увеличить экспорт страны только в случае если они включены в глобальный производственный цикл создания добавленной стоимости за счет промежуточных товаров или компонентов, что характерно для стран с избыточной и дешевой рабочей силой, изначально имеющейся

или привлекаемой (Siroën, Yücer, 2014). Также специальные зоны могут создаваться в том случае, если экономика является сравнительно закрытой и характеризуется высокими рисками, а зоны для зарубежных фирм представляют собой способ преодоления высоких импортных и институциональных барьеров: во-первых, для получения доступа к активам и, во-вторых, для проникновения на национальный рынок. В первом случае – опыт китайских зон в Африке, которые организуются и функционируют при помощи капитала из КНР в ресурсо- и трудоизбыточных африканских странах (Farole, Akinçi, 2011) (Замбия, Эфиопия, Нигерия, Мавритания, Алжир), как правило, на основе доступа к месторождениям природных ресурсов, последующего экспорта сырьевых товаров и привязки к рынку Китая; во втором – российских зон, расположенных в западной части страны (Göler, Levchenkov, 2010). Если зоны вовлекут огромные государственные инвестиции в инфраструктуру, то схемы, которые требуют большого объема ресурсов, почти наверняка приведут к их существенному перерасходу.

Ситуация может еще более усугубиться в случае слабых институтов. Страны с высокой долей природной ренты, слабыми институтами и высокими рисками (Tsagaach, 2016; Woolfrey, 2013) не смогли создать успешно функционирующих специальных зон. Зачастую это – провальные проекты с огромными государственными инвестициями в инфраструктуру без ее дальнейшего использования по причине плохих программ планирования и слабого управления, высоких издержек, удаленности от рынков, отсутствия институциональной координации и т.д. В условиях слабых институтов и высокой природной ренты в национальной экономике у чиновников появляется стимул еще больше инвестировать в специальные зоны за счет бюджета, косвенно присваивая себе эту самую ренту (Moberg, 2015). Фирмы выигрывают от инвестирования в специальные зоны до тех пор, пока они расходуют на административные барьеры меньше, чем получают дополнительной прибыли от особого статуса территории.

Идея преодоления высоких национальных и региональных рисков ведения бизнеса понятна, однако на практике появляются следующие моменты: специальные зоны на Дальнем Востоке стали привлекать не иностранные фирмы, которые избегают осуществления инвестиций в условиях высоких экономических рисков, а отечественные (региональные) – из-за отсутствия для них лучших альтернатив повышения прибыли на национальном и региональном рынке. Каждый субъект Дальневосточного федерального округа (ДВО) стал образовывать свои специальные зоны. Наблюдаются эпизоды перераспределения в сегментах рынка Дальнего Востока. Вполне вероятно, что при неизменных институциональных условиях и отсутствии видимого прогресса в снижении рисков функционирования дальневосточных зон, помимо описанных выше вызовов, может стать одним из эпизодов обхода барьеров для импортных поставок на региональный рынок или, наоборот, – одним из примеров неудачного импортозамещения.

3. Привлечение и закрепление населения

Происходящие миграционные процессы в пространстве страны в условиях социально-экономического отставания одних регионов от других и привлечения несущественной массы мигрантов из-за рубежа являются мотивом для создания различного рода программ, целью которых является привлечение и закрепление населения. Стремление создавать и расширять локальные рынки рабочей силы на Дальнем Востоке, а также привлекать и закреплять население упоминается практически во всех документах развития региона. В целом это стремление опирается на создание субсидируемых рабочих мест и бесплатное предоставление земельных участков (так называемый *дальневосточный гектар*).

В современном мире имеется опыт бесплатной раздачи земельных участков в странах с устойчивыми институтами. Например, в Канаде, в условиях сокращения численности населения, власти ряда городских поселений заранее определяют конкретную деятельность

на предоставляемом бесплатно земельном участке для тех, кто собирается его использовать: постройка жилья или ведение строго определенного вида бизнеса (Nine Canadian towns..., 2015). Практика бесплатного предоставления земельных участков в Канаде осуществляется на уровне местных органов власти на очень ограниченных территориях, а не профильными национальными и региональными министерствами и ведомствами.

Зарубежный опыт (Special Economic Zones..., 2007) указывает также на ограниченность решения задачи создания и расширения локальных рынков рабочей силы за счет субсидируемых производств. Поскольку субсидируемые производства зачастую составляют прямую конкуренцию несубсидируемым, рынок труда в целом мало изменяется. В таких странах стратегии экономического развития для предотвращения экономического упадка в регионах не должны становиться средством удержания и закрепления в них населения (Polèse, Shearmur, 2006). Опыт Канады наглядно показывает, что отставание некоторых регионов будет все в большей степени проявляться в странах, чья экономическая география отражает сложившиеся отношения между центром и периферией. Поэтому, с одной стороны, главной задачей становится обеспечение перехода к экономике, соответствующей более низкому уровню населенности региона; с другой стороны, вполне очевидно, что для привлечения населения необходимо развитие региональной экономики, способное увеличить реальные среднедушевые доходы, сопоставимые с другими более успешными регионами страны и зарубежными странами. Такого рода стратегия будет подразумевать опору на солидарность и сотрудничество внутри местного сообщества.

Тем не менее отток населения с Дальнего Востока не останавливают высокие бюджетные среднедушевые расходы региона, которые в среднем в два раза превышают среднее значение по стране. Наблюдается слабая корреляция между общим развитием экономики (ВРП на душу населения) и реальными среднедушевыми доходами Дальнего

Востока, уровень которых ниже по сравнению с рядом других федеральных округов России, формируя мотивацию для оттока населения. Дальний Восток, как и Россия в целом, находится в завершающей стадии демографического перехода. Похоже, что в России отток населения из восточной части в западную объясняется объективным (для исходной модели функционирования экономики) стремлением сконцентрировать экономическую деятельность в центральной агломерации (Head, Mayer, 2004), являющейся распределителем доходов от природной ренты.

Структурные и институциональные характеристики стран с высокой долей природной ренты и высокими рисками в экономике, к которым относится Россия, существенно ограничивают эффективность принимаемых решений внутри государственной политики, которые могут рассматриваться как императивные попытки создания новых институтов. Поэтому стремление органов государственной власти создать условия для ведения бизнеса на Дальнем Востоке при помощи специальных зон на практике может стать источником рисков, связанных с нарушением Парето-эффективности ввиду неявного субсидирования одних агентов рынка за счет других. Также, чем слабее институты, тем слабее поток частных инвестиций, вне зависимости от качества инфраструктуры, возведенной за счет государственных капиталовложений.

Опыт зарубежных стран показал, что стратегии экономического развития в регионах не должны становиться средством удержания и закрепления в них населения. Поэтому, с одной стороны, главной задачей становится обеспечение перехода к экономике, соответствующей более низкому уровню населенности; с другой стороны, — для привлечения населения необходимо экономическое развитие региона, способное увеличить реальные среднедушевые доходы. С этой точки зрения миграционные процессы должны рассматриваться скорее как один из индикаторов экономического развития региона и национальной системы в целом, а не как целевой показатель

в программных документах для исполнительных органов власти.

Применение инструментов государственного вмешательства для ускорения экономики Дальнего Востока из практик полувековой давности, в значительной мере отвергнутых ввиду их неэффективности, подтверждает проявление проблемы информированности бюрократического администрирования, которая, в свою очередь, порождает негативные стимулы развития, ограничения и тенденцию к изоляции.

ЛИТЕРАТУРА

- Bhattacharyya S., Collier P.** (2014). Public Capital in Resource Rich Economies: Is There a Curse? // *Oxford Economic Papers*. Vol. 66 (1). P. 1–24.
- Farole T., Akinci G.** (2011). Special Economic Zones: Progress, Emerging Challenges, and Future Directions. Directions in Development; trade. World Bank. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/2341>, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: январь 2018 г.)
- Göler D., Levchenkov A.** (2010). Special Economic Zones as Revitalization Strategy for Old Industrial Regions in Russia // *Geographische Rundschau*. Vol. 2 Februar. P. 18–25.
- Gupta S., Kangur A., Papageorgiou C., Wane A.** (2014). Efficiency-Adjusted Public Capital and Growth // *World Development*. Vol. 57. P. 164–178.
- Hayek F.A.** (1945). The Use of Knowledge in Society // *The American Economic Review*. Vol. 5 (4). P. 519–530.
- Head K., Mayer T.** (2004). The Empirics of Agglomeration and Trade (Chapter 59) // *Handbook of Regional and Urban Economics*. Vol. 4. P. 2610–2669.
- Making Public Investment More Efficient (2015). [Электронный ресурс] IMF. June 2015. Режим доступа: <http://www.imf.org/external/np/pp/eng/2015/061115.pdf>, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: январь 2018 г.)
- Moberg L.** (2015). The Political Economy of Special Economic Zones // *Journal of Institutional Economics*. Vol. 11 (1). P. 167–190.
- Nine Canadian Towns Just Giving Away Free Land (2015). [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.theloop.ca/9-canadian-towns-where-you-might-be-able-to-score-free-land/>, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: январь 2018 г.)
- Polèse M., Shearmur R.** (2006). Why Some Regions Will Decline: A Canadian Case Study with Thoughts on Local Development Strategies // *Papers in Regional Science*. Vol. 85 (1). P. 23–46.
- Political Priority, Economic Gamble. Free-Trade Zones Are More Popular Than Ever – with Politicians, If Not Economists (2015). [Электронный ресурс] // *The Economist*. 4 April 2015. Режим доступа: <http://www.economist.com/news/finance-and-economics/21647630-free-trade-zones-are-more-popular-ever-with-politicians-if-not> (дата обращения: январь 2018 г.)
- Ross M.L.** (2012). The Oil Curse. How Petroleum Wealth Shapes the Development of Nations. Princeton: Princeton University Press.
- Siroën J.-M., Yücer A.** (2014). Trade Performance of Free Trade Zones. [Электронный ресурс] Document De Travail DT/2014-09. Université Paris-Dauphine. Режим доступа: http://www.dial.ird.fr/media/ird-sites-d-unites-de-recherche/dial/documents/publications/doc_travail/2014/2014-09, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: январь 2018 г.)
- Special Economic Zones (2007). Consortium for Economic Policy Research and Advice. [Электронный ресурс] Moscow: IET. Режим доступа: http://www.iiep.ru/files/text/cepra/oez_eng.pdf, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: январь 2018 г.)

- Special Economic Zones (2008). Performance, Lessons Learned, and Implications for Zone Development FIAS, the multi-donor investment climate advisory service of the World Bank. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://documents.worldbank.org/curated/en/343901468330977533/pdf/458690WP0Вох331s0April200801PUBLIC1.pdf>, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: январь 2018 г.)
- The Oxford Handbook of the Russian Economy (2013). Alexeev M., Weber Sh. (eds). New York: Oxford University Press.
- Tsagaach T.** (2016). The Implications of Successful SEZs in Northeast Asia: Opportunities for Developing SEZs in Mongolia // *The Northeast Asian Economic Review*. Vol. 4 (2). P. 77–88.
- Van Eeghen M.W., Gill I.S., Izvorski I.V., De Rosa D.** (2014). Diversified Development: Making the Most of Natural Resources in Eurasia. Europe and Central Asia Studies. [Электронный ресурс] Washington; World Bank Group. Режим доступа: <http://documents.worldbank.org/curated/en/124481468251373591/pdf/854170PUB0978100Вох382147B00PUBLIC0.pdf>, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: январь 2018 г.)
- Woolfrey S.** (2013). Special Economic Zones and Regional Integration in Africa. [Электронный ресурс] Tralac Working Paper No. S13WP10/2013. Режим доступа: <http://www.tralac.org/files/2013/07/S13WP102013-Woolfrey-Special-economic-zones-regional-integration-in-Africa-20130710-fin.pdf>, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: январь 2018 г.)
- Поступила в редакцию 7 февраля 2018 г.*
- REFERENCES
(with English translation or transliteration)
- Bhattacharyya S., Collier P.** (2014). Public Capital in Resource Rich Economies: Is There a Curse? *Oxford Economic Papers*, 66 (1), 1–24.
- Farole T., Akinci G.** (2011). Special Economic Zones: Progress, Emerging Challenges, and Future Directions. Directions in Development; trade. World Bank. Available at: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/2341>, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (accessed: March 2018).
- Göler D., Levchenkov A.** (2010). Special Economic Zones as Revitalization Strategy for Old Industrial Regions in Russia. *Geographische Rundschau*, 2 Februar, 18–25.
- Gupta S., Kangur A., Papageorgiou C., Wane A.** (2014). Efficiency-Adjusted Public Capital and Growth. *World Development*, 57, 164–178.
- Hayek F.A.** (1945). The Use of Knowledge in Society. *The American Economic Review*, 35 (4), 519–530.
- Head K., Mayer T.** (2004). The Empirics of Agglomeration and Trade (Chapter 59). *Handbook of Regional and Urban Economics*, 4, 2610–2669.
- Making Public Investment More Efficient (2015). IMF. June 2015. Available at: <http://www.imf.org/external/np/pp/eng/2015/061115.pdf> (accessed: March 2018).
- Moberg L.** (2015). The Political Economy of Special Economic Zones. *Journal of Institutional Economics*, 11 (1), 167–190.
- Nine Canadian Towns Just Giving Away Free Land (2015). Available at: <http://www.theloop.ca/9-canadian-towns-where-you-might-be-able-to-score-free-land/> (accessed: March 2018).
- Polèse M., Shearmur R.** (2006). Why Some Regions Will Decline: A Canadian Case Study with Thoughts on Local Development Strategies. *Papers in Regional Science*, 85 (1), 23–46.
- Political Priority, Economic Gamble. Free-Trade Zones Are More Popular Than Ever – with Politicians, If Not Economists (2015). *The Economist*. 4 April 2015. Available at: <http://www.economist.com/news/finance-and-economics/21647630-free-trade-zones-are-more-popular-ever-with-politicians-if-not> (accessed: March 2018).

- Ross M.L.** (2012). *The Oil Curse. How Petroleum Wealth Shapes the Development of Nations*. Princeton: Princeton University Press.
- Siroën J.-M., Yücer A.** (2014). Trade Performance of Free Trade Zones. Document De Travail DT/2014-09. Université Paris-Dauphine. Available at: http://www.dial.ird.fr/media/ird-sites-d-unites-de-recherche/dial/documents/publications/doc_travail/2014/2014-09 (accessed: March 2018).
- Special Economic Zones (2007). Consortium for Economic Policy Research and Advice. Moscow: IET. Available at: http://www.iepru/files/text/cepra/oez_eng.pdf (accessed: March 2018).
- Special Economic Zones (2008). Performance, Lessons Learned, and Implications for Zone Development FIAS, the multi-donor investment climate advisory service of the World Bank. Available at: <http://documents.worldbank.org/curated/en/343901468330977533/pdf/458690WP0Box331s0April200801PUBLIC1.pdf> (accessed: March 2018).
- The Oxford Handbook of the Russian Economy (2013). Alexeev M., Weber Sh. (eds). New York: Oxford University Press.
- Tsagaach T.** (2016). The Implications of Successful SEZs in Northeast Asia: Opportunities for Developing SEZs in Mongolia. *The Northeast Asian Economic Review*, 4 (2), 77–88.
- Van Eeghen M.W., Gill I.S., Izvorski I.V., De Rosa D.** (2014). Diversified Development: Making the Most of Natural Resources in Eurasia. Europe and Central Asia Studies. Washington; World Bank Group. Available at: <http://documents.worldbank.org/curated/en/124481468251373591/pdf/854170PUB0978100Box382147B00PUBLIC0.pdf> (accessed: March 2018).
- Woolfrey S.** (2013). Special Economic Zones and Regional Integration in Africa. Tralac Working Paper No. S13WP10/2013. Available at: <http://www.tralac.org/files/2013/07/S13WP102013-Woolfrey-Special-economic-zones-regional-integration-in-Africa-20130710-fin.pdf> (accessed: March 2018).

Received 7.02.2018

D.A. Izotov

Economic Research Institute, Far Eastern Branch, Russian Academy of Sciences, Khabarovsk, Russia

The Desire to Speed up the Russian Far Eastern Economy: Will the “New” Institutional Conditions Help?

Abstract. Countries with a high share of natural rent in the economy and weak institutions, to which Russia belongs, are significantly limited in the choice of instruments for effective public policy instruments. Application of the half-century-old practice public intervention tools to speed up the Russian Far Eastern economy indicates existence of the «knowledge problem» of bureaucratic administration. As a result, additional risks may generate economy for the Russian Far Eastern due to the special zones. Very modest effects can also be obtained from the infrastructure construction at expense of public investments and from certain measures to attract and consolidate the population of the region.

Keywords: *investment, infrastructure, development program, special zones, consolidation of the population, institutions, natural rent, the Russian Far East.*

JEL Classification: H54, O43, Q30, R11, R58.